Социология культуры / Sociology of Culture

Научная статья
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-3-334
УДК 316.728:004.8

Original article
EDN: ZZZBJG

Культура обращения с неопределенностью в цифровой повседневности

С.Н. Панкова
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Социокультурная неопределённость выступает устойчивым условием повседневной жизнедеятельности, однако сама по себе не предопределяет характер действия. В цифровой повседневности платформы, алгоритмы и генеративные системы участвуют в отборе информации и организации интерпретаций, поэтому сходные ситуации могут завершаться либо воспроизводством готовых решений, либо поиском новых практик. Недостаточно изучен культурный механизм, связывающий распознавание неопределённости, способ её интерпретации и выбор действия.

Цель. Разработать понятие культуры обращения с неопределённостью и теоретическую модель, объясняющую её роль как механизма проективного самоформирования личности в цифровой повседневности.

Материалы и методы. Исследование носит теоретико-концептуальный характер. Использованы концептуальный и сравнительно-теоретический анализ, категориальный синтез и теоретическое моделирование. Сопоставлены исследования повседневности, будущего, любознательности, серендипности, алгоритмической культуры и генеративного искусственного интеллекта.

Результаты. Предложено понятие культуры обращения с неопределённостью как совокупности норм, значений, интерпретационных образцов, временных режимов и практик, посредством которых неопределённость преобразуется в социальное действие. Выделены режимы преждевременного смыслового закрытия и эпистемической открытости. Показано, что цифровая среда способна поддерживать оба режима. Введено понятие майевтически опосредованной цифровой практики. Разработана модель, связывающая интерпретацию неопределённости, образ будущего, пробное действие и проективное самоформирование личности.

Область применения результатов. Предложенная модель может использоваться при анализе образовательных и организационных практик, а также при разработке условий, поддерживающих интерпретационную автономию.

Ключевые слова: культура обращения с неопределённостью; преждевременное смысловое закрытие; эпистемическая открытость; цифровая повседневность; проективное самоформирование; интерпретационная автономия; образ будущего; майевтически опосредованная цифровая практика

Для цитирования. Панкова, С. Н. (2026). Культура обращения с неопределенностью в цифровой повседневности. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(3), 79-101. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-334

Cultural engagement with uncertainty in digital everyday life

S.N. Pankova
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract

Background. Sociocultural uncertainty is a persistent condition of everyday life, but it does not in itself determine the course of action. In digital everyday life, platforms, algorithms, and generative systems participate in information selection and the organisation of interpretation; consequently, similar situations may result either in the reproduction of ready-made solutions or in the search for new practices. The cultural mechanism linking the recognition of uncertainty, its interpretation, and the choice of action remains insufficiently understood.

Purpose. The study develops the concept of cultural engagement with uncertainty and proposes a theoretical model explaining its role as a mechanism of projective self-formation in digital everyday life.

Materials and methods. This theoretical and conceptual study employs conceptual and comparative theoretical analysis, categorical synthesis, and theoretical modelling. It brings together research on everyday life, the future, curiosity, serendipity, algorithmic culture, and generative artificial intelligence.

Results. Cultural engagement with uncertainty is defined as a system of norms, meanings, interpretive patterns, temporal regimes, and practices through which uncertainty is transformed into social action. Two modes are distinguished: premature interpretive closure and epistemic openness. Digital environments are shown to support either mode. The concept of a digitally mediated maieutic practice is introduced. The proposed model links the interpretation of uncertainty, the image of the future, experimental action, and projective self-formation.

Practical implications. The proposed model can be used to analyse educational and organisational practices and to develop conditions that support interpretive autonomy.

Keywords: cultural engagement with uncertainty; premature interpretive closure; epistemic openness; digital everyday life; projective self-formation; interpretive autonomy; image of the future; digitally mediated maieutic practice

For citation. Pankova, S. N. (2026). Cultural engagement with uncertainty in digital everyday life. *Russian Studies in Culture and Society*, *10*(3), 79-101. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-334

Введение

Современная повседневность характеризуется изменчивостью условий, множественностью жизненных сценариев и необходимостью принимать решения при неполноте знания. Цифровые платформы, рекомендательные алгоритмы и интеллектуальные системы отбирают и интерпретируют информацию, влияя на представления о будущем и организацию жизнедеятельности [2; 7; 8; 24]. Однако неопределённость не объясняет, почему в сходных условиях одни субъекты воспроизводят привычные действия, а другие пересматривают представления и осваивают новые практики. Социологического объяснения требуют культурные способы её распознавания и преобразования в действие.

В социологии культуры личность рассматривается и как результат социализации, и как субъект интерпретации и преобразования значений [1; 5]. Самоформирование понимается как активное измерение социализации, в котором личность изменяет способы жизнедеятельности, соотнося опыт, текущую ситуацию и возможное будущее [4; 6; 9; 20; 23]. Социологические исследования раскрывают институциональные и временные условия этого процесса, а работы о потребности в определённости, любознательности и интеллектуальной скромности – индивидуальные способы обращения с неполнотой знания [13; 14; 17; 22; 25]. Недостаточно изученным остаётся культурный механизм, связывающий изменчивость среды с практикой.

Для его анализа вводится понятие культуры обращения с неопределённостью – совокупности норм, значений, интерпретационных образцов, временных режимов и практик, посредством которых

неопределённость распознаётся, интерпретируется и преобразуется в социальную активность. Понятие переносит акцент со степени неопределённости среды на способы отношения к незнанию, множественности возможного и будущему.

Различаются два режима. Преждевременное смысловое закрытие означает принятие первой доступной или социально легитимной интерпретации до рассмотрения альтернатив. Эпистемическая открытость предполагает признание частичности знания, сохранение вопроса открытым и готовность корректировать понимание и действие [13; 14; 22; 25]. Режимы не являются типами личности: их воспроизводство зависит от образовательных и организационных норм, доверия, ресурсов, времени и права на ошибку [11; 21; 25].

Цифровая повседневность поддерживает оба режима. Алгоритмический отбор и завершённые генеративные ответы сокращают путь от вопроса к решению и могут создавать впечатление завершённости знания [3; 7; 8; 11; 16; 24]. Цифровые системы также используются для поиска контраргументов, выявления предпосылок и моделирования альтернатив [10; 12]. Определяющим становится распределение интерпретационной инициативы и ответственности между человеком и системой. Неравномерность распределения ресурсов интерпретационной самостоятельности ставит вопрос о социально-стратификационных последствиях различий культурных режимов обращения с неопределённостью.

Объект исследования – процессы самоформирования личности в цифровой повседневности. Предмет исследования – культурные нормы, интерпретационные образцы и повседневные практики, посредством которых неопределённость преобразуется в различные траектории действия.

Цель исследования – разработать понятие культуры обращения с неопределённостью и модель её роли как социокультурного механизма проективного самоформирования личности. Для этого уточняются содержание неопределённости как социокультурной ситуации и структура культуры обращения с ней; характеризуются режимы смыслового закрытия и эпистемической открытости; вы-

является амбивалентная роль цифровой среды; определяется место механизма в переходе от образа будущего к адаптивным или созидательным практикам.

Теоретическая гипотеза состоит в том, что воздействие социокультурной неопределённости на формирование личности опосредуется культурными способами её интерпретации и практического освоения. Преждевременное смысловое закрытие фиксирует один сценарий будущего и поддерживает воспроизводство готовых моделей жизнедеятельности; эпистемическая открытость сохраняет альтернативы, позволяет пересматривать образ будущего и переходить к пробным действиям.

Научная новизна состоит во введении понятия культуры обращения с неопределённостью; выделении двух культурных режимов её освоения; трактовке эпистемической открытости как режима и социокультурно формируемой способности; введении понятия майевтически опосредованной цифровой практики; разработке модели перехода от неопределённости через пересмотр образа будущего к адаптивным или созидательным практикам.

Материалы и методы

Исследование носит теоретико-концептуальный характер и выполнено в рамках социологии культуры, личности и повседневности. Методологическую основу составили социокультурный подход, трактующий культуру как систему значений, норм и практик, и социально-конструктивистская перспектива, рассматривающая повседневность как пространство воспроизводства и преобразования смыслов [1; 5].

Теоретический корпус включал исследования повседневности и интерпретации [1; 5]; будущего и агентности [6; 9; 20; 23]; потребности в определённости, любознательности, эпистемической открытости и серендипности [13; 14; 17; 18; 19; 22; 25]; алгоритмической культуры и генеративного искусственного интеллекта [2; 3; 7; 8; 10; 11; 12; 16; 21; 24]. Такой состав источников позволил сопоставить индивидуальный, культурный и технологический уровни обращения с неопределённостью.

Концептуальный анализ использован для разграничения неопределённости, смыслового закрытия, эпистемической открытости, образа будущего и самоформирования; сравнительно-теоретический – для сопоставления объяснительных возможностей подходов; категориальный синтез – для построения понятия культуры обращения с неопределённостью; теоретическое моделирование – для реконструкции перехода от интерпретации ситуации к образу будущего и действию.

Исследование включало четыре шага: уточнение социокультурного содержания неопределённости; выделение интерпретационных режимов; анализ их цифрового опосредования; построение модели проективного самоформирования. Модель имеет теоретико-эвристический статус и предназначена для последующей операционализации и эмпирической проверки.

Результаты и обсуждение

1. Неопределённость как социокультурная ситуация

Неопределённая ситуация не задаёт единственной логики поведения: субъект может обратиться к готовой схеме, отложить решение, передать его внешнему авторитету или пересмотреть понимание. Между неполнотой знания и действием находится интерпретационный уровень, на котором формируется практический ответ [9; 13; 17].

Социологические подходы объясняют неопределённость через институты, нормы, ресурсы и структуру возможностей; психологические – через потребность в определённости, любознательность, интеллектуальную скромность и когнитивную гибкость [13; 14; 17; 22; 25]. Однако они лишь частично раскрывают социальное воспроизводство и культурные различия способов обращения с неизвестным.

В социологии культуры анализируются нормы и образцы, определяющие, что признаётся неизвестным, допустимо ли сохранять вопрос открытым, каким источникам доверяют, насколько быстро требуется решение и как действие соотносится с будущим [1; 5; 6; 23]. Неизвестное не исчерпывается дефицитом информации: оно может оформляться как смысловая структура, сохраняющая напряжение между сокрытием и раскрытием [15]. Неопределённость поэтому рассматривается как культурно организованная ситуация.

В цифровой повседневности этот механизм особенно заметен: платформы и интеллектуальные системы отбирают и структурируют информацию, ускоряют получение ответа, но способны расширять пространство поиска и контринтерпретации [3; 7; 8; 10; 12; 24]. Их влияние определяется поддерживаемым режимом обращения с неопределённостью.

Культура обращения с неопределённостью определяется как совокупность норм, значений, интерпретационных образцов, временных режимов и повседневных практик, посредством которых неопределённость распознаётся, оценивается и преобразуется в социальную активность. Аналитические измерения понятия представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Основные измерения культуры обращения с неопределённостью

Table 1. Main dimensions of cultural engagement with uncertainty

Измерение	Содержание	Основной аналитический вопрос
Распознавание неопределённости	Определение характера ситуации: риск, информационный дефицит, открытая проблема, кризис или возможность	С чем, по представлению субъекта, он столкнулся?
Оценка незнания	Культурное значение незнания: недостаток компетентности, угроза, допустимое состояние поиска или источник нового понимания	Как в данной среде оцениваются сомнение и признание неполноты знания?
Интерпретационный режим	Способ построения объяснения: обращение к готовой схеме, авторитету, множеству версий или контринтерпретации	Допускает ли ситуация несколько обоснованных прочтений?
Временной режим	Социально приемлемая скорость перехода от вопроса к решению, допустимость отсрочки и пересмотра позиции	Насколько долго вопрос может оставаться открытым?
Источники знания и доверия	Экспертные, институциональные, межличностные и цифровые источники, используемые для уменьшения или переосмысления неопределённости	Кому и чему субъект доверяет при принятии решения?
Отношение к аномалии	Способ обращения с фактом, не укладывающимся в привычную схему: исключение как шума либо преобразование в новый вопрос	Становится ли несоответствие поводом для пересмотра понимания?

Измерение	Содержание	Основной аналитический вопрос
Отношение к будущему	Фиксация одного сценария либо сохранение открытого и корректируемого проекта жизнедеятельности	Как неопределённость влияет на образ возможного будущего?
Практический режим	Воспроизводство известного действия, отказ от решения, адаптация или экспериментирование	Во что преобразуется интерпретация неопределённости?
Институциональные условия	Нормы, ресурсы, санкции, доверие, право на ошибку и доступность альтернативных позиций	Какие социальные условия поддерживают выбранный способ действия?
Цифровое опосредование	Влияние платформ, алгоритмов и интеллектуальных систем на структуру релевантности, скорость ответа и интерпретационную автономию	Расширяет ли технология пространство понимания или замещает его готовым ответом?

Источник: составлено автором.

Сочетание измерений образует два аналитических режима: преждевременное смысловое закрытие, ориентированное на быстрое восстановление определённости, и эпистемическую открытость, сохраняющую альтернативную интерпретацию и возможность корректировки действия.

2. Культурные режимы обращения с неопределённостью: смысловое закрытие и эпистемическая открытость

Культура обращения с неопределённостью проявляется в способах организации интерпретации, решения и действия. Аналитически различаются преждевременное смысловое закрытие и эпистемическая открытость. Субъект может переходить между ними в зависимости от ситуации, ресурсов, институциональных требований и цены ошибки.

2.1. Преждевременное смысловое закрытие

Стремление к определённости необходимо для координации и своевременных решений [13]. Закрывающий характер оно приобретает, когда первая доступная, привычная или социально легитимная интерпретация принимается до анализа альтернатив и проверки ос-

нований. Этот способ действия обозначается как преждевременное смысловое закрытие.

Режим близок к психологическому понятию потребности в когнитивном закрытии, но не сводится к индивидуальной мотивации [13]. Его поддерживают требования скорости, образовательная ориентация на единственно правильный ответ, цифровое сокращение пути от вопроса к информации [3; 7; 8] и нормы, связывающие компетентность с отсутствием сомнений. При дефиците времени смысловое закрытие выполняет адаптивную функцию: снижает когнитивные затраты и обеспечивает предсказуемость и координацию.

Ограничения проявляются в открытых ситуациях, требующих сопоставления интерпретаций и новых решений. Быстрое устранение неясности здесь может означать фиксацию значения вместо исследования проблемы [13], сокращая пространство новых вопросов и воспроизводя привычные схемы вопреки изменившимся условиям.

2.2. Эпистемическая открытость

Эпистемическая открытость представляет собой альтернативный режим, в котором неполнота знания сохраняется как основание дальнейшего анализа. Как культурный режим она задаёт нормы допустимого сомнения, пересмотра и сопоставления позиций; как формируемая способность личности – позволяет осознавать ограниченность собственного понимания, удерживать вопрос открытым в течение необходимого времени и корректировать первоначальные представления под воздействием нового опыта [14; 22; 25].

Эпистемическая открытость не означает бесконечного сомнения: решение принимается как достаточное для ситуации, но остаётся проверяемым. Исследования интеллектуальной скромности связывают осознание ограниченности знания с рефлексивным мышлением, любознательностью, открытостью и готовностью учиться [14; 25]. В отличие от любознательности как реакции на информационный разрыв [17; 22], эпистемическая открытость понимается как социально формируемый режим признания незнания, обсуждения альтернатив и пересмотра позиции.

Категориальный синтез исследований любознательности и интеллектуальной скромности [14; 17; 22; 25] позволяет выделить пять компонентов эпистемической открытости: перцептивный – замечать несоответствия между схемой и опытом; когнитивный – удерживать и анализировать несколько интерпретаций; рефлексивный – признавать ограниченность собственных представлений; коммуникативный – обращаться к альтернативным позициям и обсуждению; проективный – переводить новое понимание в пересмотр образа будущего и поиск способов действия. Последний компонент связывает эпистемическую открытость с самоформированием личности.

2.3. Социальные условия воспроизводства культурных режимов

Оба режима социально обусловлены, а возможность сохранять вопрос открытым распределена неравномерно. Она зависит от образования, предметной подготовки, профессиональной автономии, материальной устойчивости, доверия, времени, доступа к источникам знания и права на ошибку. В академической среде особое значение имеют вдумчивая работа с текстами, критическое осмысление и самостоятельная выработка исследовательской позиции [11]; в алгоритмической – сочетание платформенной и алгоритмической грамотности с цифровым капиталом [21]. Поэтому различие режимов нельзя сводить к типам личности: оно отражает культурно и институционально организованные возможности сохранять вопрос открытым, сопоставлять альтернативные версии и пересматривать принятое решение.

Среды, ориентированные на скорость, стандартизацию и демонстрацию безошибочности, поддерживают смысловое закрытие; практики аргументации, исследовательского поиска и пересмотра – открывающий режим. В цифровой повседневности персонализация и генеративные ответы могут сокращать путь к готовой версии [3; 7; 8; 16; 24], но те же системы используются для проверки предположений и контринтерпретаций [12]. Сравнение режимов представлено в таблице 2.

Таблица 2.

Культурные режимы обращения с неопределённостью
Table 2. Cultural modes of engagement with uncertainty

Аналитическое измерение	**Преждевременное смысловое закрытие**	**Эпистемическая открытость**
Основная цель	Быстрое восстановление определённости	Углубление понимания ситуации
Отношение к незнанию	Дефицит, требующий устранения	Возможный источник нового понимания
Интерпретация	Фиксация первой достаточной версии	Сопоставление альтернативных версий
Временной режим	Минимизация времени неопределённости	Допустимость временно открытого вопроса
Источники знания	Авторитет, привычные схемы, готовые решения	Диалог, исследование, различные источники
Отношение к ошибке	Избегание пересмотра решения	Корректировка и обучение
Будущее и действие	Закрепление сценария, воспроизводство практики	Открытый проект, экспериментальное действие
Преобладающая функция	Адаптация и стабилизация	Проективное развитие и созидательное преобразование

Источник: составлено автором.

Различие режимов определяется не наличием неопределённости, а распределением времени, интерпретационной инициативы и ответственности. Цифровая среда способна усиливать любой из них и далее рассматривается как пространство технологического опосредования культурных способов обращения с неизвестным.

3. Цифровая повседневность как пространство воспроизводства культурных режимов

Цифровая повседневность – гибридная среда, где непосредственные взаимодействия соединяются с платформенной коммуникацией, алгоритмическим отбором и интеллектуальными системами. Технологии включены в образование, труд, самообразование, социальные связи и принятие решений; они участвуют в формировании структуры релевантности, делая одни события, позиции и возможности заметнее других. Их влияние амбивалентно: цифровая среда может ускорять смысловое закрытие или расширять интерпретацию. Результат определяется организацией взаимодействия человека с системой.

3.1. Алгоритмическое сокращение неопределённости

Поисковые и рекомендательные алгоритмы сокращают информационную сложность, предлагая пользователю ранжированную выборку содержания [3; 7; 24]. Такой отбор облегчает ориентацию в информационном избытке, но одновременно задаёт рамки видимости: одни интерпретации и варианты действия становятся доступнее, тогда как другие остаются за пределами внимания. Персонализация на основе предыдущего поведения и платформенных критериев способна формировать самоподдерживающийся цикл, в котором сделанный ранее выбор определяет последующий отбор содержания, подтверждающего уже сложившуюся позицию и сужающего горизонт альтернатив [3; 7; 24]. Эффект алгоритмического отбора зависит и от того, как пользователи представляют себе работу алгоритмов и организуемую платформами видимость [8].

Алгоритмическая фильтрация, однако, не означает неизбежной утраты субъектности. Пользователь может обращаться к альтернативным источникам, изменять поисковые практики и проверять противоположные позиции. Здесь важно различать разрешимую неопределённость, требующую факта или инструкции, и открытую социальную ситуацию, допускающую несколько обоснованных прочтений. Во втором случае скорость получения ответа не тождественна глубине понимания: техническое устранение информационного разрыва может завершить поиск до осмысления самой ситуации [17; 22]. Эта тенденция усиливается, когда цифровая система не только отбирает информацию, но и формирует связный ответ.

3.2. Генеративный искусственный интеллект как фактор смыслового закрытия

В отличие от поисковой системы, генеративная модель не только предоставляет доступ к информации, но и формирует связный ответ, в котором фактические сведения, обобщения и предположения представлены в единой речевой форме [10; 16]. В перспективе человеко-машинной коммуникации система выступает участником смыслообразования, поскольку не просто передаёт информацию, а организует возможное понимание ситуации [10]. Это ускоряет

объяснение, обобщение и моделирование решений, но может сокращать этап самостоятельной постановки проблемы. Единообразная форма ответа сглаживает различия между фактом, интерпретацией и допущением, делая менее заметными основания суждения и исключённые альтернативы [16].

В академической среде завершённый результат может отделяться от процесса формирования понимания. А. Джена и У. Раман связывают риск использования генеративного ИИ с ослаблением вдумчивой работы с текстами, критического осмысления и способности выдерживать интеллектуальное затруднение и неопределённость [11]. Опрос специалистов интеллектуального труда выявил связь между доверием к генеративному ИИ и снижением субъективно оцениваемых усилий критического мышления, однако причинный характер этой связи не установлен [16]. В закрывающем режиме связность и завершённость ответа могут восприниматься как достаточность его оснований, вследствие чего интерпретационный поиск прекращается до проверки альтернатив.

Поэтому необходимо различать передачу рутинной операции и передачу интерпретационной ответственности. В первом случае пользователь задаёт критерии, проверяет результат и сохраняет контроль над решением; во втором автоматически сформированное объяснение принимается как достаточное основание действия. Риск смыслового закрытия связан, следовательно, не с самим фактом использования генеративного ИИ, а со способом распределения интерпретационной инициативы и ответственности между человеком и системой.

3.3. Майевтически опосредованная цифровая практика

Термин «майевтический» используется для обозначения взаимодействия, которое не предоставляет готового решения, а посредством вопросов, уточнений и выявления противоречий содействует самостоятельному формированию понимания. Применительно к цифровой среде майевтически опосредованная практика предполагает использование диалоговой системы не для замещения интерпретации, а для её углубления и проверки. Майевтически опосредованная цифровая

практика представляет собой технологическую форму реализации эпистемической открытости.

Диалоговые системы могут выявлять неявные предпосылки, формулировать контраргументы, сопоставлять альтернативные версии и моделировать неучтённые последствия [12]. В таком взаимодействии пользователь обращается к системе не за окончательным решением, а за средствами проверки собственного понимания. Вопросы об основаниях вывода, непредставленных позициях, возможных возражениях и необходимых способах проверки превращают цифровую систему из источника готового ответа в средство контринтерпретации.

Эту логику конкретизирует Serendipity Prompting: исследователь сначала формулирует собственное прочтение, затем получает от модели поддерживающую версию, контрпрочтение и открытый вопрос, после чего возвращается к источникам и проверяет предложенные связи [12]. В такой практике система не замещает смыслообразование, а стимулирует уточнение вопроса, сопоставление альтернатив и самостоятельный выбор действия. Интерпретационная инициатива при этом сохраняется за пользователем, а результат работы системы остаётся предметом проверки.

Такая практика может поддерживать серендипность – неожиданное обнаружение связи или возможности, не предусмотренной исходным запросом [18; 19]. Однако неожиданная находка становится значимой не сама по себе, а тогда, когда включается в дальнейшую интерпретацию, проверяется по источникам и опыту и получает продолжение в новом вопросе или действии. Возможность поддерживать подобное взаимодействие зависит от предметной подготовки, времени, доступа к альтернативным источникам и институциональных норм, что выводит анализ к проблеме цифровой автономии и социального неравенства.

3.4. Интерпретационная автономия как измерение цифрового неравенства

В цифровой среде обозначенные социальные условия конкретизируются в предметных знаниях, доступе к альтернативным источникам, времени, языковых ресурсах и опыте постановки вопросов

[16; 21]. Агентность в алгоритмической среде определяется не одним техническим доступом, а сочетанием платформенной грамотности, алгоритмической осведомлённости и цифрового капитала [21]. Это позволяет рассматривать интерпретационную автономию как особое измерение цифрового неравенства. Она выражается в способности отделять факт от интерпретации, выявлять ограничения ответа, сопоставлять источники, запрашивать контраргументы, сохранять самостоятельность суждения и отвечать за последствия.

Ресурсы интерпретационной автономии распределены неравномерно. Пользователь, располагающий предметной подготовкой и критериями проверки, может встраивать ИИ в собственную практику, сохраняя контроль над оценкой результата; при отсутствии этих ресурсов возрастает зависимость от автоматически сформированного ответа. Поэтому равный технический доступ к цифровым системам не обеспечивает равенства познавательных возможностей [21].

Интерпретационная автономия зависит и от институциональной среды, в которой ценятся аргументация и самостоятельное формирование понимания, допускаются признание незнания, проверка, ошибка и пересмотр позиции [11; 14; 21; 25]. В цифровом обществе социальное неравенство проявляется не только в доступе к информации и технологиям, но и в возможности сохранять самостоятельность интерпретации при обращении с ними. Такое неравенство означает различия в возможностях пересматривать образ будущего, осуществлять пробные действия и корректировать собственную траекторию жизнедеятельности. Тем самым культурные режимы обращения с неопределённостью связываются с социально распределёнными возможностями проективного самоформирования личности.

4. Культура обращения с неопределённостью как механизм проективного самоформирования личности

Культура обращения с неопределённостью связывает распознавание неполноты знания со способом интерпретации ситуации и последующей траекторией действия. Проективное самоформирование понимается как интерпретационно-временное измерение самоформирования, в котором оценка ситуации соотносится с образом будущего

и практической апробацией возможного действия [4; 9; 20; 23]. В обобщённом виде механизм включает следующие взаимосвязанные этапы: распознавание неопределённости → интерпретация ситуации в режиме смыслового закрытия или эпистемической открытости → формирование или пересмотр образа будущего → пробное действие → оценка последствий → корректировка жизненного проекта.

При преждевременном смысловом закрытии первая приемлемая интерпретация фиксирует известный сценарий будущего и поддерживает адаптационно-репродуктивную траекторию [13]. Такой способ действия функционален в стандартных ситуациях, требующих своевременного решения и координации, но ограничивает пространство возможного, когда изменившиеся условия требуют пересмотра оснований действия.

При эпистемической открытости неопределённость сохраняется как вопрос, допускающий несколько проверяемых интерпретаций. Образ будущего связывает новое понимание с практикой, направляет действие и корректируется по его результатам [6; 9; 20; 23]. Проективно-созидательная траектория становится возможной, когда альтернативная интерпретация переводится в ограниченное и по возможности обратимое пробное действие. Полученный опыт, включая серендипные обнаружения, включается в дальнейшую интерпретацию и изменяет жизненный проект, если признаётся значимым и получает практическое продолжение [18; 19].

Различие траекторий определяется не устойчивыми свойствами личности, а тем, какой культурный режим поддерживается в конкретной ситуации и какими ресурсами располагает субъект. Возможность сохранять вопрос открытым, проверять альтернативы и переходить к пробному действию зависит от времени, доступа к знаниям, доверия, материальной и профессиональной автономии, права на ошибку и институциональной поддержки [11; 13; 21; 25]. Поэтому культура обращения с неопределённостью объясняет не формирование особого типа личности, а социально обусловленные различия в возможностях пересматривать образ будущего, проверять новые способы действия и корректировать жизненную траекторию.

Заключение

1. Неопределённость представляет собой социокультурную ситуацию, влияние которой на выбор действия опосредуется нормами, значениями, источниками доверия, временными режимами и интерпретационными практиками. Для анализа этого уровня предложено понятие культуры обращения с неопределённостью.

2. Выделены два аналитических режима. Преждевременное смысловое закрытие ускоряет восстановление определённости и поддерживает адаптацию, но в открытых ситуациях может закреплять готовые схемы. Эпистемическая открытость сохраняет возможность сопоставления альтернатив и корректировки решения по результатам практической проверки. Эти режимы не являются типами личности: субъект может переходить между ними в зависимости от ситуации, доступных ресурсов и институциональных условий.

3. Цифровая повседневность способна поддерживать оба режима. Алгоритмический отбор и завершённые генеративные ответы могут сокращать интерпретационное пространство. Майевтически опосредованная цифровая практика, напротив, предполагает использование интеллектуальной системы для выявления предпосылок, контринтерпретаций и новых вопросов при сохранении интерпретационной инициативы и ответственности пользователя.

4. Культура обращения с неопределённостью включается в проективное самоформирование через интерпретацию ситуации, образ будущего и пробное действие. Преждевременное смысловое закрытие поддерживает адаптационно-репродуктивную траекторию, тогда как при эпистемической открытости становится возможной проективно-созидательная траектория, предполагающая проверку новых способов действия и корректировку жизненного проекта.

5. Различия культурных режимов обращения с неопределённостью приобретают социально-стратификационное значение, поскольку возможность сохранять вопрос открытым, проверять альтернативы и самостоятельно оценивать цифровой ответ распределена неравномерно. Интерпретационная автономия выступает поэтому особым измерением цифрового неравенства, выражающим различия в воз-

можностях самостоятельно проектировать будущее и проверять новые способы действия. Предлагаемая модель имеет теоретико-эвристический характер; её дальнейшая проверка предполагает изучение способов распознавания неопределённости, практик использования генеративного ИИ и социальных условий перехода от альтернативной интерпретации к действию.

Описание применения генеративной модели. При подготовке рукописи использовалась языковая модель ChatGPT, GPT-5.6 Thinking (OpenAI, август 2026 г.) для структурирования теоретического материала, подготовки черновых формулировок отдельных фрагментов, языкового редактирования, выявления содержательных повторов, сопоставления текста с требованиями журнала и поиска дополнительных источников. Запросы были направлены на уточнение логики аргументации, сокращение текста без изменения его концептуального содержания и проверку полноты библиографического аппарата. Концепция исследования, отбор и проверка литературы, интерпретация теоретических положений, формулирование научной новизны и окончательная редакция выполнены автором. Генеративная модель не использовалась для сбора или анализа эмпирических данных. Автор проверила библиографические сведения и несёт ответственность за содержание рукописи.

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело финансовой или спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Бергер, П., & Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания*. Москва: Медиум. 323 с.
2. Лешкевич, Т. Г. (2025). Цифровое «расщепление» повседневности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*, *29*(2), 446–459. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-446-459. EDN: https://elibrary.ru/SYDEJI.

3. Тихонюк, А. А. (2024). Искусственный интеллект и масс-медиа: негативные аспекты алгоритмов персонализации контента. *Коммуникология*, *12*(3), 43–60. DOI: https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-3-43-60. EDN: https://elibrary.ru/GVETBQ.
4. Чечулина, С. Н. (1999). *Самоформирование личности как конструирование повседневной жизнедеятельности* (дис. … канд. социол. наук). Екатеринбург. 156 с. EDN: https://elibrary.ru/QCYQUV.
5. Шюц, А. (1988). Структура повседневного мышления. *Социологические исследования*, (2), 129–137.
6. Beckert, J. (2016). *Imagined Futures: Fictional Expectations and Capitalist Dynamics*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
7. Beer, D. (2017). The social power of algorithms. *Information, Communication & Society*, *20*(1), 1–13. DOI: https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147.
8. Bucher, T. (2017). The algorithmic imaginary: Exploring the ordinary affects of Facebook algorithms. *Information, Communication & Society*, *20*(1), 30–44. DOI: https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1154086.
9. Emirbayer, M., & Mische, A. (1998). What is agency? *American Journal of Sociology*, *103*(4), 962–1023. DOI: https://doi.org/10.1086/231294. EDN: https://elibrary.ru/CTMCCH.
10. Guzman, A. L., & Lewis, S. C. (2020). Artificial intelligence and communication: A human-machine communication research agenda. *New Media & Society*, *22*(1), 70–86. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444819858691.
11. Jena, A., & Raman, U. (2026). Shortcuts and scholarship: A cross-generational reflection on AI and academic formation. *Media, Culture & Society*. DOI: https://doi.org/10.1177/01634437261472373. EDN: https://elibrary.ru/DCOTNU.
12. Krähnke, U., Dresing, T., & Pehl, T. (2027). Serendipity Prompting und methodisierte Neugier: Manifest für eine mäeutische Nutzung generativer KI in der qualitativen Forschung. В кн.: R. Spiller, G. Mehling, & B. Michel (Ред.), *Digitale Verfahren und KI in der qualitativen Sozialforschung: Anwendungen, Herausforderungen, Reflektionen* [Preprint]. https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-111563-8
13. Kruglanski, A. W., & Webster, D. M. (1996). Motivated closing of the mind: "Seizing" and "freezing." *Psychological Review*, *103*(2), 263–283. DOI: https://doi.org/10.1037/0033-295X.103.2.263. EDN: https://elibrary.ru/HKBRJP.
14. Krumrei-Mancuso, E. J., Haggard, M. C., LaBouff, J. P., & Rowatt, W. C. (2020). Links between intellectual humility and acquiring knowledge. *The Journal of Positive Psychology*, *15*(2), 155–170. DOI: https://doi.org/10.1080/17439760.2019.1579359.
15. Kurakin, D. (2026). The mysterious stranger and modern enchantment. *The British Journal of Sociology*. DOI: https://doi.org/10.1111/1468-4446.70158. EDN: https://elibrary.ru/KFIOBD.

16. Lee, H.-P., Sarkar, A., Tankelevitch, L., Drosos, I., Rintel, S., Banks, R., & Wilson, N. (2025). The impact of generative AI on critical thinking: Self-reported reductions in cognitive effort and confidence effects from a survey of knowledge workers. В кн.: *Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems* (pp. 1–22). New York: Association for Computing Machinery. DOI: https://doi.org/10.1145/3706598.3713778.
17. Loewenstein, G. (1994). The psychology of curiosity: A review and reinterpretation. *Psychological Bulletin*, *116*(1), 75–98. DOI: https://doi.org/10.1037/0033-2909.116.1.75. EDN: https://elibrary.ru/HKCJPB.
18. Makri, S., & Blandford, A. (2012). Coming across information serendipitously. Part 1: A process model. *Journal of Documentation*, *68*(5), 684–705. DOI: https://doi.org/10.1108/00220411211256030.
19. Merton, R. K., & Barber, E. (2004). *The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 313 p.
20. Mische, A. (2009). Projects and possibilities: Researching futures in action. *Sociological Forum*, *24*(3), 694–704. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2009.01127.x.
21. Punziano, G., & Trezza, D. (2026). Agency in social media platforms: The role of capitals and literacies under algorithmic environments. *Information, Communication & Society*. DOI: https://doi.org/10.1080/1369118X.2026.2665249. EDN: https://elibrary.ru/IREZIG.
22. Singh, A., & Manjaly, J. A. (2021). The effect of information gap and uncertainty on curiosity and its resolution. *Journal of Cognitive Psychology*, *33*(4), 403–423. DOI: https://doi.org/10.1080/20445911.2021.1908311. EDN: https://elibrary.ru/EMMOHB.
23. Tavory, I., & Eliasoph, N. (2013). Coordinating futures: Toward a theory of anticipation. *American Journal of Sociology*, *118*(4), 908–942. DOI: https://doi.org/10.1086/668646.
24. van Dijck, J. (2013). *The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media*. Oxford: Oxford University Press. DOI: https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199970773.001.0001.
25. Whitcomb, D., Battaly, H., Baehr, J., & Howard-Snyder, D. (2017). Intellectual humility: Owning our limitations. *Philosophy and Phenomenological Research*, *94*(3), 509–539. DOI: https://doi.org/10.1111/phpr.12228.

References

1. Berger, P., & Luckmann, T. (1995). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. 323 p.
2. Leshkevich, T. G. (2025). Digital “splitting” of everyday life. *RUDN Journal of Philosophy*, *29*(2), 446–459. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-446-459. EDN: https://elibrary.ru/SYDEJI.

3. Tikhonyuk, A. A. (2024). Artificial intelligence and mass media: Negative aspects of content personalization algorithms. *Communicology*, *12*(3), 43–60. DOI: https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-3-43-60. EDN: https://elibrary.ru/GVETBQ.
4. Chechulina, S. N. (1999). *Self-formation of Personality as the Construction of Everyday Life Activities* (Doctoral dissertation). Yekaterinburg. 156 p. EDN: https://elibrary.ru/QCYQUV.
5. Schütz, A. (1988). The structure of everyday thinking. *Sociological Studies*, (2), 129–137.
6. Beckert, J. (2016). *Imagined Futures: Fictional Expectations and Capitalist Dynamics*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
7. Beer, D. (2017). The social power of algorithms. *Information, Communication & Society*, *20*(1), 1–13. DOI: https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147.
8. Bucher, T. (2017). The algorithmic imaginary: Exploring the ordinary affects of Facebook algorithms. *Information, Communication & Society*, *20*(1), 30–44. DOI: https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1154086.
9. Emirbayer, M., & Mische, A. (1998). What is agency? *American Journal of Sociology*, *103*(4), 962–1023. DOI: https://doi.org/10.1086/231294. EDN: https://elibrary.ru/CTMCCH.
10. Guzman, A. L., & Lewis, S. C. (2020). Artificial intelligence and communication: A human-machine communication research agenda. *New Media & Society*, *22*(1), 70–86. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444819858691.
11. Jena, A., & Raman, U. (2026). Shortcuts and scholarship: A cross-generational reflection on AI and academic formation. *Media, Culture & Society*. DOI: https://doi.org/10.1177/01634437261472373. EDN: https://elibrary.ru/DCOTNU.
12. Krähnke, U., Dresing, T., & Pehl, T. (2027). Serendipity Prompting and Methodized Curiosity: A Manifesto for a Maieutic Use of Generative AI in Qualitative Research. In R. Spiller, G. Mehling, & B. Michel (Eds.), *Digital Methods and AI in Qualitative Social Research: Applications, Challenges, Reflections* [Preprint]. https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-111563-8
13. Kruglanski, A. W., & Webster, D. M. (1996). Motivated closing of the mind: "Seizing" and "freezing." *Psychological Review*, *103*(2), 263–283. DOI: https://doi.org/10.1037/0033-295X.103.2.263. EDN: https://elibrary.ru/HKBRJP.
14. Krumrei-Mancuso, E. J., Haggard, M. C., LaBouff, J. P., & Rowatt, W. C. (2020). Links between intellectual humility and acquiring knowledge. *The Journal of Positive Psychology*, *15*(2), 155–170. DOI: https://doi.org/10.1080/17439760.2019.1579359.
15. Kurakin, D. (2026). The mysterious stranger and modern enchantment. *The British Journal of Sociology*. DOI: https://doi.org/10.1111/1468-4446.70158. EDN: https://elibrary.ru/KFIOBD.

16. Lee, H.-P., Sarkar, A., Tankelevitch, L., Drosos, I., Rintel, S., Banks, R., & Wilson, N. (2025). The impact of generative AI on critical thinking: Self-reported reductions in cognitive effort and confidence effects from a survey of knowledge workers. In *Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems* (pp. 1–22). New York: Association for Computing Machinery. DOI: https://doi.org/10.1145/3706598.3713778.
17. Loewenstein, G. (1994). The psychology of curiosity: A review and reinterpretation. *Psychological Bulletin*, *116*(1), 75–98. DOI: https://doi.org/10.1037/0033-2909.116.1.75. EDN: https://elibrary.ru/HKCJPB.
18. Makri, S., & Blandford, A. (2012). Coming across information serendipitously. Part 1: A process model. *Journal of Documentation*, *68*(5), 684–705. DOI: https://doi.org/10.1108/00220411211256030.
19. Merton, R. K., & Barber, E. (2004). *The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 313 p.
20. Mische, A. (2009). Projects and possibilities: Researching futures in action. *Sociological Forum*, *24*(3), 694–704. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2009.01127.x.
21. Punziano, G., & Trezza, D. (2026). Agency in social media platforms: The role of capitals and literacies under algorithmic environments. *Information, Communication & Society*. DOI: https://doi.org/10.1080/1369118X.2026.2665249. EDN: https://elibrary.ru/IREZIG.
22. Singh, A., & Manjaly, J. A. (2021). The effect of information gap and uncertainty on curiosity and its resolution. *Journal of Cognitive Psychology*, *33*(4), 403–423. DOI: https://doi.org/10.1080/20445911.2021.1908311. EDN: https://elibrary.ru/EMMOHB.
23. Tavory, I., & Eliasoph, N. (2013). Coordinating futures: Toward a theory of anticipation. *American Journal of Sociology*, *118*(4), 908–942. DOI: https://doi.org/10.1086/668646.
24. van Dijck, J. (2013). *The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media*. Oxford: Oxford University Press. DOI: https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199970773.001.0001.
25. Whitcomb, D., Battaly, H., Baehr, J., & Howard-Snyder, D. (2017). Intellectual humility: Owning our limitations. *Philosophy and Phenomenological Research*, *94*(3), 509–539. DOI: https://doi.org/10.1111/phpr.12228.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Панкова Светлана Николаевна, доцент кафедры социальной работы и управления персоналом, доцент, кандидат социологических наук
Уральский федеральный университет
ул. Мира, 19, г. Екатеринбург, 620062, Российская Федерация
s.n.pankova@urfu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Svetlana N. Pankova, Associate Professor, Department of Social Work and Human Resources Management
Ural Federal University
19, Mira Str., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation
s.n.pankova@urfu.ru
SPIN-code: 3786-3163
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3210-5486

Поступила 02.08.2026
После рецензирования 27.08.2026
Принята 07.09.2026

Received 02.08.2026
Revised 27.08.2026
Accepted 07.09.2026